

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

7

■ 2014 (181)

6+

ИМЕНА:
В. М. Шукшин

РАССКАЗЫ-ГОРОШИНЫ

ISSN 1684-0895
9 771684 089001 >

Вильям Козлов
Мальчишка с собакой

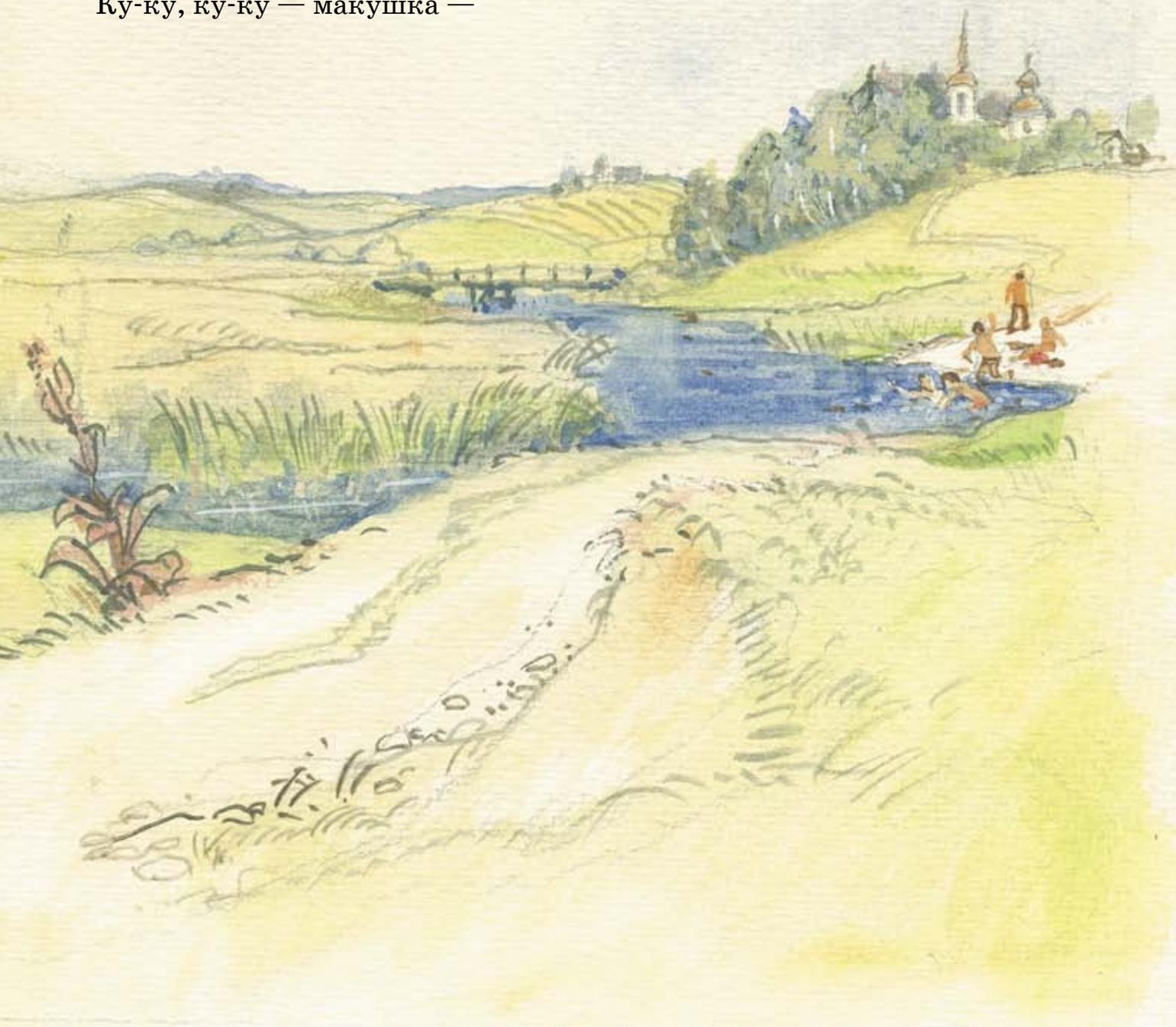

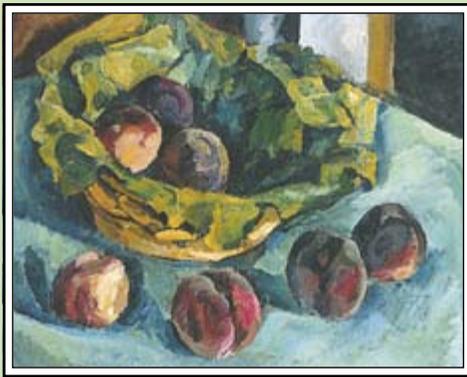
Художник Г. Мазурин

Александр Твардовский

Июль — макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет, —
Ку-ку, ку-ку — макушка —

Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета,
Считай, что пёсня спета,
Считай, пол-лета нет, —
Июль — макушка лета.

П. Кончаловский
Персики
1919 г.

В номере:

3

Вильям Козлов

Мальчишка с собакой

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Мастер лирического пейзажа:
Витольд Бялыницкий-Бируля**

21

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Николай Храпов

Принцесса Ах

25

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Илья Дюков

Города Древней Руси

27

БУХТИНЫ

Павел Гусев

Рассказы-горошины

28

ИМЕНА

Олег Трушин

«И во сне мне снится детство...»

33

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Буриданов осёл

33

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Загадки Труворова городища

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Корректор

Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московской обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3107

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Вильям Козлов

Мальчишка с собакой

Художник Н. Бурдыкина

О том, что к тётё Марье приехал мальчишка со «страшенной» собачищей, нам утром сообщила Наташка Желудева. Она обо всём узнавала раньше всех.

Наташке тринадцать лет, но она длинная. Она даже выше меня и Мишки, хотя мы учимся в одном классе. Правда, Мишка утверждает, что он повыше её на сантиметр, но это враньё.

Он приехал в деревню поздно вечером, когда мы уже все спали. От станции Сосенки до нашей деревни шесть километров. Но когда идут поезда, мы слышим, потому что в двух километрах от деревни, сразу за рощей, проходит железная дорога.

Напротив рощи состав еле ползёт — здесь крутой подъём. И наши деревенские спрыгивают на ходу. Даже женщины прыгают.

Деревня наша маленькая и называется Троеполье. Сразу за последним домом начинается лес. Зимой мы слышим, как лунными ночами в белом поле воют волки. Деревня стоит на пригорке, а внизу в ивовых кустах петляет речка Сомовка. Когда-то, говорят, в ней водились сомы, а теперь, чтобы приличного окуня поймать или плотву, нужно идти за Чупрыкину мельницу.

Мы как раз и собирались на Чупрыкину мельницу, когда прибежала Наташка.

Выгоревшие добела пряди волос с двух сторон были подвязаны тряпочками. На длинных ногах свежие белые царапины, — видно, летела к нам напрямик, через огороды.

— К тётё Марье родственник приехал, — затараторила она. — Вышел на лужайку и прыгает через голову... А потом стал на руках ходить... Вот умора!

— То-то вырядилась, — сказал Мишка. Он сидел на крыльце и мастерил из гусиного пера поплавок.

— Подумаешь, на руках... — сказал и я. — Я тоже могу.

— А собака у него — страсть одна! С телёнка, чтоб мне лопнуть, если вру.

— С лошадь, — сказал Мишка.

— Со слона, — поддакнул я.

Наташка взяла жестяную банку с червями, заглянула и презрительно сказала:

— Это разве черви? Вот у тети Марьи на огороде...

И вывалила наших червей в яму, которую вырыли для силоса. Мы с Мишкой ахнули: этих червей мы с полчаса копали у конюшни. Я бы показал Наташке за эти штучки почём фунт лиха, но из-за Мишки не стал связываться. А он и не такое от Наташки привык терпеть.

— Пошли к Марье, — сказал Мишка, — красных накопаем...

— А собака? — спросила Наташка. — Она вас живьём проглотит...

— Подавится, — сказал Мишка.

Прижав лбы к круглым жердинам изгороди, мы смотрим на собаку. Наташка не обманула: таких огромных мы не видали сроду. Ростом действительно с телёнка, большая голова, висячие уши и длинная, черная с коричневым шерсть.

Собака стояла у крыльца и смотрела на дверь. Длинный, похожий на веер хвост ше-

велился. На широком ошейнике белые бляхи. На нас собака не обращала никакого внимания.

— Её звать Орион, — сказала Наташка.

Уже и это знает!

— Эй, Орион! — позвал Мишка.

Собака посмотрела на нас, зевнула, показав великолепные белые клыки, и снова уставилась на дверь. Уши её поочередно шевелились. Собака прислушивалась к тому, что происходило за дверью.

— Кто же первый войдёт в дом? — ехидно спросила Наташка.

Мишка зачем-то поддёрнул новые штаны повыше, нахмурил светлые брови, взял у меня лопату и, побледнев, решительно отворил калитку. Он не сделал и двух шагов, как собака проворно повернулась и молча бросилась к нему.

Уронив лопату и банку, Мишка пулей вылетел за калитку и навалился на неё плечом. Собака обнюхала лопату, потом подошла к калитке и, встав на задние лапы, просунула между жердинами чёрный нос и понюхала Мишкину голову. Стоя на задних лапах, собака была гораздо выше нас.

— Она сейчас Мишке голову откусит! — чуть слышно прошептала Наташка.

Но собака не стала откусывать Мишке голову — она раскрыла красную пасть и оглушительно гавкнула. Мишка медленно сполз на землю, не забывая придерживать калитку. Он, наверное, решил, что у него уже нет головы.

Дверь распахнулась, и на пороге показался высокий худощавый мальчишка в синей куртке на блестящей молнии и коротких зелёных штанах с карманами.

На ногах красные сандалеты.

— Орион! — сказал мальчишка. — Ко мне!

Собака, виляя веером-хвостом, подбежала к нему. Он потрепал её по лохматой шее и посмотрел на нас.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался мальчишка. — Вы к тёте Марье?

Мишка все ещё сидел на земле и шарил руками в траве.

— И камня, как назло, под рукой нет... — сказал он.

— Насчет камня поосторожнее, — заметил мальчишка. — Орион этого не любит.

— Эй, как тебя там? — спросил Мишка. — Брось сюда лопату и банку.

— А как же черви? — усмехнулась Наташка.

Мишка не ответил. И вид у него был сконфуженный.

Мишка — отчаянный парень, но этот Орион — я такого собачьего имени ещё не слышал — кого угодно напугает. У него пасть как у льва. Туда запросто моя голова может пролезть. В последнее время я заметил, что Мишка перестал возражать Наташке. А когда она на него смотрит своими насмешливыми серыми глазами, он отворачивается и даже краснеет...

Мальчишка в коротких штанах поднял лопату, консервную банку и передал Наташке, которая подскочила к калитке.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Женя, — ответил мальчишка. — А тебя?

Наташка сказала. Мишка исподлобья посмотрел на неё и отвернулся.

— Ты в цирк готовишься? — спросила она. — Я видела, как ты через голову прыгал...

— Чего мы тут потеряли? — сказал Мишка. — Пошли.

Я забрал у Наташки лопату и банку. Она даже не заметила. Протянула между жердинами свою тонкую руку, но дотронуться до Ориона не решилась.

— Он кусается? — спросила она.

Мальчишка улыбнулся. Один зуб у него наполовину сломан. Волосы чёрные и чёлкой спускаются на лоб.

— Погладь, — разрешил он.

Наташка тут же запустила пальцы в густую собачью шерсть.

— Ориончик... — засюсюкала она. — Ориоша... Хорошая собачка... А что такое Орион?

— Такую чепуху не знает... — сказал Мишка. — Звезда какая-то...

— Так называется созвездие, — поправил Женя. — Оно как раз над экватором...

— Над экватором? — удивилась Наташка. — Когда мы возьмём щенка, я его Экватором назову.

— Созвездие Ориона граничит с созвездиями Тельца, Близнецов, Зайца, Единорога... — сказал Женя.

— Я был в Ленинграде, в планетарии, — сказал мне Мишка. — Там про все звёзды и планеты рассказывают.

— А какой породы Орион? — спросила Наташка.

— Ньюфаундленд, — сказал мальчишка.

— А что это такое?

— Таковую чепуху не знает... — сказал Мишка. — Полуостров в Америке.

— Остров, — опять поправил мальчишка. — И не в Америке, а в Канаде. От Америки он отделяется проливом Белл-Айл.

Мишка готов был лопнуть от злости. Второй раз подкузьмил его Женя. Да ещё в присутствии Наташки.

— А ты видел когда-нибудь ропуху? — спросил Мишка.

— Ропуху? — удивился Женя. — А что это такое?

— То-то, — сказал Мишка и кивнул мне: — Айда!

Когда мы отошли на приличное расстояние, я спросил:

— Про какую это ты толковал ропуху?

— «Ориончик... Ориончик...» — передразнил Мишка. — Ну и пусть целуется с ним...

— С кем? — спросил я.

— Как будто я обязан помнить про все звезды и острова...

— Кто же это — ропуха? — снова спросил я.

— Отстань, — сказал Мишка.

Я оглянулся: мальчишка вывел из сеней велосипед «Орлёнок», посадил на раму Наташку и покатил по тропинке вдоль забора. Орион бежал рядом. Пасть его открылась, и оттуда вывалился красный язык.

— Полюбуйся, — сказал я. — Повезли красавицу твою...

Мишка даже не оглянулся. Шаггал по дороге, загребая босыми ногами тёплую пыль.

— Куда же это они поехали? — сказал я. — Свернули на тропинку... На станцию покатали!

Мишка остановился и со злостью посмотрел на меня.

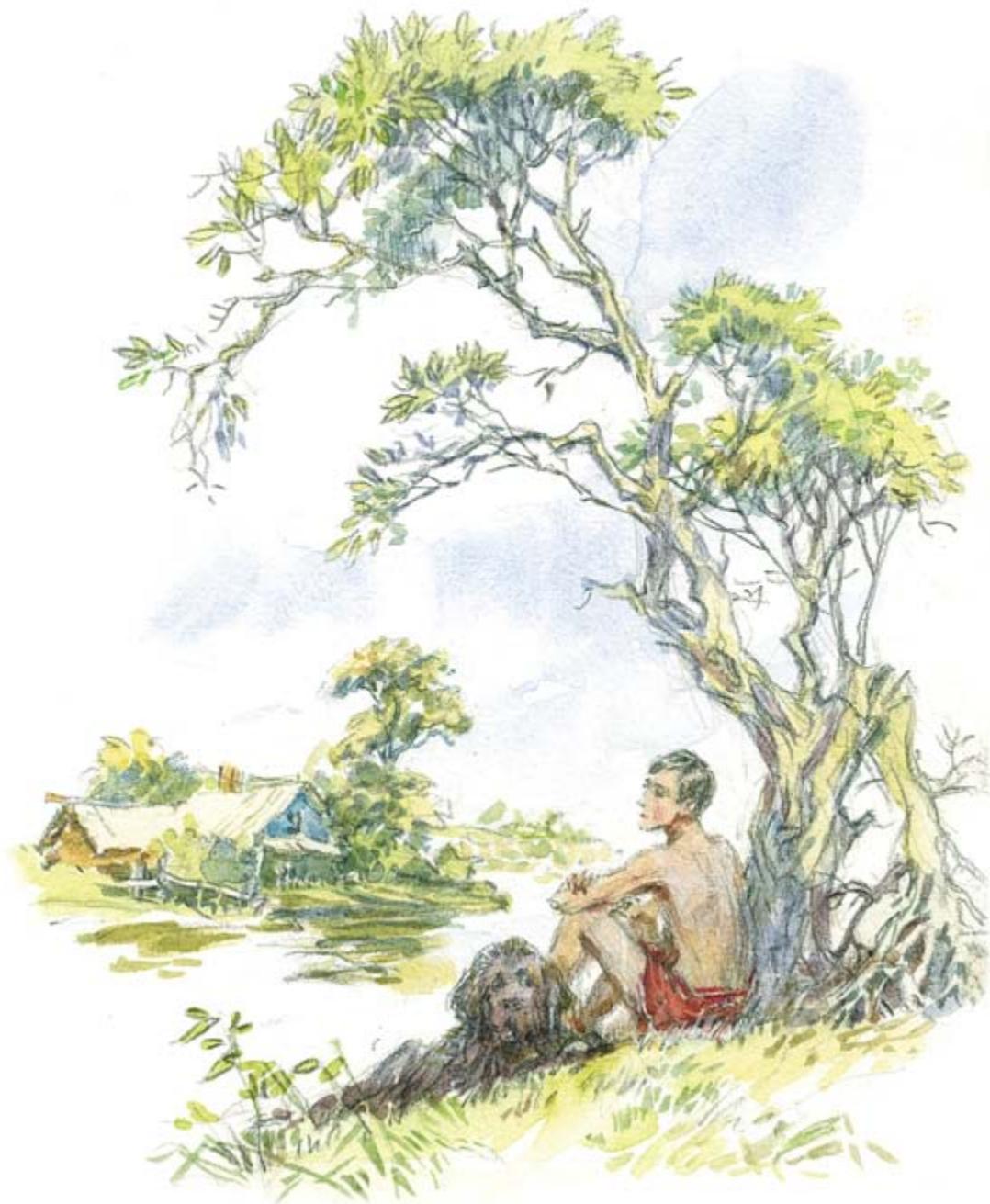
— Мне наплевать, куда они поехали, — сказал он. — А будешь подъелдыкивать...

— Ладно, ладно, — миролюбиво сказал я. — Пошли выкупаемся?

Прошло несколько дней. Жара стояла невыносимая. Солнце с утра поднималось на безоблачное небо и пекло до самого вечера. Даже птицы не летали в небе. Один только ястреб да ещё злые рыжие слепни. Они налетали неожиданно и начинали кружиться, норовя сесть между лопаток, где их не достанешь. Мы уже и забыли, когда был последний раз дождь. В такие дни нам с Мишкой достаётся! Нужно утром и вечером поливать грядки в огороде. Пятьдесят вёдер утром и пятьдесят вечером. Под конец кажется, что вёдра оттянули руки до земли. Мы с Мишкой с ненавистью смотрели на знойное небо и ждали дождя. Наташка тоже поливала свой огород. Только она не таскала воду в вёдрах из колодца. Её отец-механик установил в огороде электрический насос. Включил рубильник, и белая мощная струя бьёт из шланга...

Полив ненасытные грядки, мы бежали на речку. И купались до синих пупырышек на теле. Речка хотя и неширокая, но зато глубокая.

В омуте, напротив конюшни, только Мишка доставал дно. Говорили, что там живёт огромный сом. Иногда вечером он поднимается на поверхность, и тогда раздаётся громкий всплеск. Но Мишка только посмеивался и, когда его очень просили, нырял в омут и доставал горсть чёрного ила.

Мальчишка с собакой тоже приходил на речку, но он не купался вместе со всеми.

Уходил за излучину и там плавал с Орионом. Мне было интересно посмотреть, как плавает такая большая собака, но Мишка не соглашался идти туда.

— Собака плавает — эка невидаль! — говорил он.

Каждое утро, в восемь часов, Женя садился на велосипед и уезжал на станцию к пассажирскому поезду, который прибывал из Москвы. Вместе с ним на станцию бегал Орион. Когда он появлялся на улице, наши деревенские собаки поджимали хвосты и прятались в подворотни. Они тоже ещё не видывали таких псов. Впрочем, Орион не обращал на них внимания.

Я спросил у Наташки — она ведь всё знает, — зачем Женя каждое утро мотается на вокзал?

— Свежие газеты покупает, — ответила Наташка. Зачем ездить в такую даль, когда их в деревню к обеду почтальон приносит?

Встречаясь с нами, Женя всегда здоровался. Я отвечал, а Мишка что-то бурчал под нос. Как-то Женя сказал:

— Где здесь щуки водятся? У меня отличный спиннинг, пойдёмте покидаем?

— Не до рыбалок нам сейчас, — отрезал Мишка. — Вон засуха...

Какое отношение к рыбалке имела засуха, я так и не понял. А на щучью заводь стоило бы сходить с Женей. У меня спиннинга не было, а он наверняка дал бы мне с берега покидать.

— Вот такую щуку дядя Федя вчера поймал у плотины... — показала Наташка. — Пойдём?

Они ушли, а Мишка насупился. Если бы не Орион, он подрался бы с Женей. Вернулись они через два часа, и пустые. Женя взял с собой всего одну блесну, она за корягу зацепилась и осталась в речке. А достать её не удалось. Даже Орион не смог. Это нам Наташка объяснила.

— А при чём тут Орион? — удивился я.

— Орион ныряет как утка, — сказал Женя.

— Может быть, ваш Орион и летать как лебедь умеет? — язвительно спросил Мишка.

Пёс, услышав своё имя, поднял голову и посмотрел на Мишку. Мне показалось, что он усмехнулся.

— Если Орион увидит, что человек тонет, он его спасёт, — сказал Женя.

— Ему это хоть бы что, — поддакнула Наташка. — Я видела, как он ныряет.

— Не смешите, — сказал Мишка. — Собаки не могут нырять. Разве что спаниели... Если в уши попадёт вода, собака умрёт.

— Чепуха, — улыбнулся Женя.

— Я же видела, — сказала Наташка.

— Спорим на «американку», — сказал Мишка. — Я сейчас нырну, а он пусть меня спасает...

— Проиграешь, — сказал Женя.

— Вовка, разбивай, — подмигнул мне Мишка.

Я ударил их по рукам.

— Место я сам выберу, — заявил Мишка.

Женя не возражал.

Мишка, конечно, выбрал омут. Тот самый, в котором никто дна не мог достать, кроме него. И в котором якобы водился большой сом. Мишка сбросил рубашку, штаны и остался в одних трусах. Трусы у него почти до колен. Наверное, мать по ошибке отцовские дала.

Мы стояли на берегу и смотрели на него. Женя подозвал Ориона и стал гладить по голове. Пёс с любопытством наблюдал за Мишкой, который спустился к воде.

— Я отпущу, когда ты скажешь, — предупредил Женя.

Он взял Ориона за ошейник. Пёс смотрел на Мишку и тяжело дышал. В такой роскошной шубе ему было жарко. С языка капала на землю слюна.

Мишка отплыл на середину омута и, вытаращив глаза, дурным голосом закричал:

— Кара-у-ул... Тону-у!

И, набрав воздуха, нырнул. Орион рванулся вперёд, едва не свалив хозяина. Женя только успел сказать: «Спасай! Спасай!» — и отпустил. Пёс с берега бухнулся в речку. Проплыв немного, волчком завертелся на одном месте.

— Спасай! — крикнул Женя.

Орион посмотрел на него и, выбросив вверх передние лапы, с всплеском скрылся под водой.

— Что я говорила? — ликовала Наташка. Она, не отрываясь, смотрела на омут. По чёрной глади расходились круги. Я стал про себя считать. Что-то долго сидит в омуте Мишка. А вдруг его сом за пятку схватил? Когда я досчитал до ста, вода всколыхнулась и на поверхности показался сначала мокрый обвисший хвост, а затем ноги Ориона. Он толчками пятился из глубины. Зубами пёс вцепился в Мишкины трусы. Мишка крутил головой, фыркал, а одной рукой придерживал трусы, которые растянулись, как продуктовая сумка.

— Отпусти, говорю! — кричал Мишка, пытаясь вырваться, но пёс крепко держал его за трусы и, смешно хлопая лапами по воде, продвигался к берегу. Мишке ничего не оставалось, как помогать ему руками. У самого берега Мишка хотел было встать, но Орион поволок его на пёсок.

И тут произошло такое, о чём без смеха невозможно вспоминать... Мишка снова попытался вырваться, но вместо этого налимом выскользнул из собственных трусов. Наташка ойкнула и закрыла смеющееся лицо руками.

Женя бросился к Ориону, но побагровевший Мишка уже вскочил на ноги и стремглав помчался по траве к кустам, которые, как назло, были метрах в ста от берега. Пёс с трусами в зубах бросился за ним.

— Ко мне! — кричал Женя. — Кому говорю?! Ко мне!

Орион нехотя вернулся. Женя выхватил из его рта мокрые Мишкины трусы и протянул мне.

— Зачем вырывался? — сказал он. — Орион ведь не знает, что он нарочно. Он спасал, а утопающие не вырываются...

Я с восхищением смотрел на пса, который бегал вокруг меня и лаял. Его интересовали Мишкины трусы. Брызги от шерсти летели во все стороны.

— Ай да пёс! — сказал я.

Мне хотелось погладить Ориона, но тут я вспомнил про Мишку, который, голый и злой, сидит в кустах. Я побежал к нему.

— Я ничего не видела, честное слово! — крикнула вслед Наташка, давась от смеха.

Я нашёл Мишку в самой гуще ольшаника и отдал трусы. Не глядя на меня, он выжал их и надел. Ноги и бока были оцарапаны. Это когда он продирался сквозь кусты.

— Ушли они? — спросил он.

— Ну ты и драпал... — улыбаясь, сказал я. Уж очень вид у Мишки был потешный.

— Может быть, мне теперь утопиться?

— Наташка говорит, что ничего не видела, — сказал я.

— Драться, — сказал Мишка. — Только драться. Не на жизнь, а на смерть!

На следующий день я отправился к дому тети Марьи с не очень-то приятным поручением. Я должен был передать Жене, что Мишка хочет с ним драться.

Сегодня вечером возле поваленной берёзы. Мишка сказал, что только кровью можно смыть этот позор.

У калитки я остановился. Откроешь, а Орион как налетит... Женю я увидел на крыше. Он стоял на самой кромке и готовился прыгнуть. Я услышал глухой удар о землю. Орион радостно приветствовал его внизу. Женя поднялся с земли — он не удержался на ногах — и увидел меня.

— Заходи! — крикнул он.

Я подошёл к стене и посмотрел вверх: высоко. Метра три будет. Женя подошёл к жердине, вбитой посередине лужайки, и, ухватившись одной рукой, стал кружиться вокруг. Он долго кружился, мне даже надоело смотреть на него. Когда он отпустил жердь, то глаза его косили, он пошатывался.

— Это зарядка такая, что ли? — спросил я.

— Тренировка, — не сразу ответил Женя. — Попробуй!

Я подошёл к жердине и несколько раз неловко крутнулся вокруг неё.

— Вот так надо, — отстранил меня Женя.

И показал, как нужно обхватывать жердину рукой.

— Видел, сколько раз я крутнулся? Сто семьдесят, — сказал он. А ты тридцать витков сделаешь и — с катушек долой...

— Это мы ещё посмотрим...

Я крутнулся ровно тридцать раз и отпустил жердь. Какая-то непонятная сила поволокла меня в сторону, крыша дома задралась, и я шлёпнулся на траву. Попробовал встать и снова упал.

Женя стоял рядом и, хлопая себя руками по голым ляжкам, хохотал.

— А как же они на центрифуге? А на кувыркающемся кресле? А в барокамере? — говорил он.

Когда мир перестал вращаться вокруг меня, я наконец встал и посмотрел на него.

— Какая ещё центрифуга? — спросил я.

Он взял газету, которая лежала на садовой скамейке, и стал просматривать. Потом взглянул на меня и со вздохом сказал:

— Всё нет сообщения...

— Сообщения?

Он сложил газету и бросил на траву.

— Ну, например, о запуске космонавтов...

— Давно не запускали, — сказал я.

— Запустят.

— На Марс?

— Может быть, и на Марс... Теперь он на очереди.

— Скорее бы, — сказал я. — На Марс запустят — тогда и на другие планеты полетят.

— Думаешь, так-то просто? Каждая планета — это загадка. Вот изучат планеты автоматические станции, а тогда и человек полетит, чтобы наверняка.

— Ладно, хватит про космос, — сказал я. — Вот что, Мишка вызывает тебя драться, понял?

— Может, и так получится, — продолжал он, — прилетит космонавт на планету, а на землю не сможет вернуться... И будет жить там, пока за ним не прилетят другие... Ты только подумай: человек на таинственной планете! Он живёт там и смотрит на Землю. Ждёт, когда за ним прилетят. А на Земле его ждут... Жена, дети.

— Будешь драться? — спросил я.

— Драться? — взглянул на меня Женя. — С Мишей? Если он хочет, пожалуйста... А из-за чего мы должны драться?

— Вам виднее, — сказал я. — Мне велено передать.

И объяснил ему, что драться они будут вечером, у поваленной берёзы. Мы с ним забрались на крышу, и я показал ему берёзу. Она издали видна. Одна половина из земли торчит, а другая рядом валяется. Ещё весной молния ударила в берёзу.

— Не забудь, — сказал я. — Вечером.

— Ладно, приду, — сказал он и улыбнулся. — А ты, значит, секундант?

Что такое «секундант», я не знал, а спросить постеснялся. Потом у Мишки спросил, и он мне уверенно объяснил, что секундант — это человек с часами. Он с Женей будет драться, а я должен смотреть на часы и засекаеть время.

Когда я спросил — зачем, Мишка сказал, что так все секунданты делают... А зачем, он и сам не знает.

Я уже закрыл за собой калитку и вдруг неожиданно для себя сказал:

— Ты учти: Мишка — левша...

— Левша? — рассеянно переспросил он.

Зачем я это ему сказал? Левая рука Мишку не раз в драках выручала. В самый неожиданный момент он наносил сокрушительный удар левой, и противник начинал размазывать кровь по лицу.

Они награждали друг друга оплеухами и тумачами, а я сидел на поваленной берёзе и грыз сизую турнепсину. Дрались они хорошо, попусту не суетились, не хватили друг друга за волосы и не царапались. Приятно было смотреть на них. Мишка что-то бурчал под нос, а Женя дрался молча. Паренёк он был крепкий, и мой друг только кряхтел, получая удары.

Мне показалось, что у оврага шевельнулись кусты и вроде бы мелькнуло что-то. Но я сразу же об этом забыл, увидев, как Мишка слева заехал Жене в губу, — правда, в ответ он тут же получил сильный удар по скуле...

Услышав вдалеке знакомый басистый лай, я оглянулся: по турнепсовому полю напрямик от деревни чёрным клубком летел к нам Орион. А за ним не спеша шагала по тропинке Наташка.

— Орион! — завопил я, сообразив, что дело может плохо для Мишки обернуться.

Они сразу перестали драться и стали смотреть на приближающегося Ориона.

— Не вздумай замахнуться, — сказал Женя. — Разорвёт!

Орион с ходу бросился к нему на грудь. Облизал лицо и, радостно повизгивая, стал прыгать вокруг. Мишка стоял руки по швам и не шевелился.

— Неужели, чертяка, окно выбил? — сказал Женя. — Он может.

Подошла Наташка. В зубах зелёная травинка. Она что-то напевала.

— Чего вы здесь делаете? — спросила она. А глаза хитрющие.

— Тебя ждём, — сказал я. — Что, думаем, Наташка не идёт?

— Как он оттуда вырвался? — сказал Женя. — Я обе двери закрыл.

— Это ты про собаку? — спросила Наташка. — Иду мимо случайно, слышу, Орион лает и на окна бросается... Ну, я и выпустила.

— Понятно, — мрачно сказал Мишка.

Я подозрительно посмотрел на Наташку: уж не её ли это платье мелькнуло в кустах?

— А случайно ты в ольшанике у оврага не сидела? — спросил я.

— У какого оврага? — сделала Наташка большие глаза.

Это, конечно, её работа. Впрочем, я не стал разоблачать Наташку. Я был с самого начала против этой дурацкой драки. Мне этот чудной парень с собакой нравился. С ним интересно поговорить. Знает про всё на свете. И первый никого не задирает. Мишка на него злится, так это из-за Наташки.

Я посмотрел на них: хороши красавчики! У Жени губа разбита и нос стал вдвое толще, а у Мишки скула распухла и один глаз уменьшился.

Женя облизывал разбитую губу, сплёвывал красноватую слюну и гладил Ориона.

Мишка всё время отворачивался в сторону, чтобы Наташка не заметила, какой он стал урод.

Солнце опустилось за синюю-синюю тучу. На деревню ползли пышные розоватые облака. Говорят, когда солнце опускается за

тучу, будет дождь. Скорее бы, а то надоело огород поливать. И потом, охота по лужам побегать!

Я люблю, когда дождь. Речка вспухает, становится мутной, а по дорогам и тропинкам в овраг скатываются ручьи.

— Смотрите, спутник полетел, — сказал Женя.

Я уставился на небо, но, кроме нескольких тусклых звёзд, ничего не увидел.

— У меня есть подозрная труба, — сказал он. — В неё все спутники видны.

— Я ни одного не вижу, — поглядел я на небо.

— Их много летает, — сказал Женя. — Просто люди на них не обращают внимания...

Мы вчетвером сидим на крыше тёти Марьиного дома и по очереди смотрим в подозрную трубу. Крыша крутая, и нужно всё время быть начеку, а то, чего доброго, съедешь по замшелой дранке и сверзишься прямо в сад. Внизу носится Орион и скулит. Он хочет к нам, на крышу. Тёти Марьи нет дома. Она с бригадой на сенокосе. Вернётся завтра к обеду.

Длинная выдвижная труба установлена на треногу. В окуляр видны яркие звёзды и маленькие блестящие спутники. Их действительно много на небе. Они появляются у кромки леса, мерцают, как звезда, двигаются по тёмному небу и постепенно теряются среди других звёзд. Иногда рядом летят сразу два спутника.

— Вот это наш «Космос», а это — последняя ступень американской ракеты... — объяснял Женя.

— Откуда ты знаешь? — не выдержал Мишка.

— Я каждый вечер смотрю, — сказал Женя.

— А как эта звезда называется? — спросила Наташка. Она смотрела в трубу и пальцем показывала в небо.

— Рядом с Большой Медведицей? — спросил Женя.

— Нет, Медведицу я знаю... Ну, вот эта яркая, а рядом ещё три.

— Это созвездие Волосы Вероники.

— Волосы Вероники... — шепотом повторила Наташка. — Какое красивое название.

— А это что за звезда? — небрежно ткнул Мишка пальцем в небо.

- Марс, — сказал Женя. — Планета.
- Верно, — сказал Мишка.
- А это? — спросил и я.
- Гончие Псы...

Я только диву давался: откуда он всё знает? И Мишка перестал задираться. Глаз у него почти совсем закрылся, так что ему удобно смотреть в трубу, не нужно прищуриваться. Это всегда так, после драки отношения начинают налаживаться. Наша дружба с Мишкой тоже началась с драки.

Мы долго сидели на крыше, рядом с печной трубой. Ориону надоело лаять, и он улёгся на тропинку и морду положил на лапы. Когда он поднимал голову, чтобы посмотреть на нас, глаза его вспыхивали красноватым светом. Женя рассказывал про звёзды и показывал их нам. Жалко, что облака закрыли полнеба.

Наташка смотрела Жене в рот.

И глаза у неё мерцали, как эти далёкие звёзды. А Женя, наоборот, отворачивался от неё и смотрел на Мишку. И я чувствовал, что всё это он рассказывает для Мишки. Наверное, и Мишка это понял и перестал волком смотреть на Женю.

Когда мы спустились вниз, тучи закрыли всё небо. Стало темно, в саду зашумели яблони.

Орион подбежал к нам и всем по очереди положил толстые лапы на плечи. Так он выражал свою радость и дружелюбие. Над лесом, далеко-далеко, полыхнула молния.

— Ура, — сказал Мишка. — Будет дождь!

— Космонавты в дождь не стартуют, — сказал Женя, глядя на небо. — Здесь может идти дождь, а там... звёздное небо. Может быть, сейчас космонавт на лифте поднимается в ракету... Четыре, три, два, один... Старт!

— Разве они на лифте поднимаются? — спросил Мишка.

— Знаешь, какая ракета огромная? Как башня! Попробуй заберись без лифта! Орион зарычал и подбежал к калитке. Там замаячила чья-то тень.

— Я её ищу, давно пора ужинать, а она вон где околачивается? — услышался женский голос. Это Наташкина мать.

— Спокойной ночи, — сказала Наташка и метнулась к калитке.

Мы ещё немного постояли и тоже пошли. Женя проводил нас.

— Я проиграл «американку», — сказал Мишка. — У меня есть охотничий нож с костяной рукояткой... Хочешь?

Этот нож Мишке подарил отец. Когда они вместе уходили на охоту, Мишка прикреплял нож к поясу и гордо шествовал по деревне. Я знал, что этот нож — самая большая Мишкина ценность.

Женя улыбнулся и покачал головой.

— Что же ты хочешь? — спросил Мишка.

— Кто такая ропуха? — спросил Женя. — Я у всех спрашивал... Никто не знает, что такое «ропуха»...

— Жаба, — сказал Мишка. — Обыкновенная жаба...

И расхохотался, а за ним и мы.

Три дня Женя не выходил из дома. Три утра подряд он не ездил на велосипеде на станцию и не читал газет. Орион, распластавшись, лежал на крыльце и никого, кроме тети Марьи, не пропускал в дом.

Наташка специально сбегала в поле и спросила у тётки Марьи: что случилось? Почему Женя сидит дома и никуда не выходит?

— Лежит, — смеясь, сказала тётка Марья. — На полу, родимый, лежит...

— Заболел? — спросила Наташка.

— Эта у него... гипо... анемия какая-то...

И ещё пуще засмеялась.

Мы ломали головы: что же это за болезнь?

И потом, почему на полу лежит?

И уж совсем непонятно: человек заболел, а тётке Марье смешно!

Мы подходили к изгороди и свистели. Орион поднимал голову и сочувственно смотрел на нас. Но Женя не откликался. И даже в окно ни разу не выглянул. Тогда мы решили без приглашения пойти к нему. Но лишь открыли калитку, как с крыльца поднялся Орион и, подойдя к нам, загородил дорогу. Когда Наташка попыталась обойти его, Орион приподнял чёрную губу и показал большие белые клыки. Делать было нечего, и мы отступили.

И тогда Мишке пришла в голову идея.

— На чердаке есть окошко, — сказал он. — И без стекла... Попробуем?

— А я как же? — спросила Наташка.

— Ориона отвлекай, — сказал я. — Дёргай все время калитку...

Мы обошли дом и перелезли через изгородь. По брёвнам, прислонённым к углу дома, вскарабкались на крышу. Сначала Мишка, потом я. А дальше было не так уж трудно, окошко широкое, и мы без особых хлопот оказались на чердаке. Спустились по лестнице в тёмные сени, и вот мы в комнате.

У окна тренога с подзорной трубой. К ней прикреплена газета — это чтобы солнечные лучи не падали на пол, на котором лежал Женя и смотрел на белый потолок.

Он лежал на голых крашеных досках, и под головой была подложена толстая книжка в коричневом переплёте. Рядом, чтобы рукой можно было достать, стоял ковш с водой, на газете полбуханки хлеба, начатая банка рыбных консервов и несколько картофелин в мундире. И будильник.

Он не удивился нашему приходу, всё так же лежал и смотрел в потолок. Над ним кружились большие синие мухи, которые залетали в открытую форточку.

— У тебя с позвоночником что-нибудь? — спросил Мишка.

Я вспомнил, как он прыгал с крыши. Допрыгался...

— Нога? — спросил я.

Женя посмотрел на нас и улыбнулся.

— Я не могу встать... — сказал он.

— Поможем! — подскочил Мишка, но он покачал головой.

— Я встану... — Он повернул голову и взглянул на будильник. Я встану через четыре часа сорок одну минуту...

Мишка посмотрел на меня и дотронулся до виска: дескать, малый чокнулся...

— В углу спиннинг, а на столе коробка с блёснами, — сказал Женья. — Забирайте и — на речку... Эх, выкупаться бы!

Он отмахнулся от нахалки мухи, которая норвила усесться на кончик носа, и, приподняв голову, отпил из ковша. Отпил и поморщился: тёплая вода.

— Три дня так и лежишь на полу? — спросил я.

— Три дня, — сказал Женья. — Это чепуха... А как же они? Неделями лежат вот так, не двигаясь, а потом сразу на центрифугу... А в барокамере? Шестьдесят дней!

И тут только я сообразил, что это тоже тренировка! Мишка разглядывал на стене фотографии, приколотые кнопками. Их много было: все наши космонавты. И незнакомые лётчики в странных скафандрах. Один сидел на маленькой надувной лодочке, а кругом море, и вдали виднеется пароход.

— А что такое гипо... аномия? — спросил я.

— Гиподинамия... — засмеялся Женья. — Это когда человек находится в состоянии полной неподвижности...

— А-а, — сказал я.

— А может быть, встанешь? — спросил Мишка. Женья снова взглянул на будильник.

— Через четыре часа тридцать две минуты, — сказал он.

— Ты что, в космонавты готовишься? — спросил Мишка.

— Я полечу на Марс или Венеру, — сказал Женья. — А может быть, и за пределы Солнечной системы... Луна — это теперь наша стартовая площадка. Ещё в этом веке её построят. Космические корабли будут с Луны улетать на другие планеты...

— И давно ты... тренируешься? — спросил я.

— Второй год, — сказал Женья. — Я был в Звёздном городке. Меня сначала не пускали, а потом пропустили... Я им показал график движения наших спутников, который я целый месяц составлял.

— И космонавтов видел? — спросил Мишка.

— Они мне подарили вот эту фотографию, — сказал Женья. — Если хочешь, сними и прочитай на обратной стороне...

Но Мишка не стал снимать со стены фотографию. Он подошёл к стене и долго смотрел на космонавтов, сфотографировавшихся группой.

— А как вы попали сюда? — запоздало спросил Женя.

— Из космоса... — улыбнулся Мишка и показал пальцем на потолок.

Женя попросил меня вылить тёплую воду и принести из кадки свежей. Я принёс.

— И ни разу не встал? — спросил Мишка.

— Кого же я буду обманывать? — сказал Женя. — Себя, что ли?

— Ну, давай лежи, — сказал Мишка. — Сколько тебе осталось?

— Четыре часа шесть минут... — сказал Женя. Последние часы ужасно долго тянутся!

Назад мы вышли через двор. Нужно было видеть изумлённую морду Ориона! Он растопырил уши и, растерянно моргая, смотрел на нас.

— Прошляпил? — сказал я и, потрепав его по шее, вслед за Мишкой прошёл к калитке, где нас с нетерпением ждала Наташка. У неё даже одна ленточка в волосах развязалась.

— Ну что, за доктором бежать? — спросила она.

— Доктор не поможет, — сказал Мишка. — У него болезнь неизлечимая. Гипо... Как она называется?

— Ги-по-ди-на-мия, — с удовольствием произнёс я это незнакомое космическое слово.

— Я побегу в контору, — заволновалась Наташка. — Из района «скорую помощь» вызовут...

Она повернулась, чтобы побежать, но Мишка поймал её за руку.

— Пойдём на Чупрыкину мельницу щук шугать.

— Какие щуки, — чуть не плача, сказала Наташка. — Человеку плохо, а вы... вы тут со своими щуками...

Мишка отпустил её руку и, помолчав, сказал:

— Не надо «скорую помощь»... Он поправится ровно через три часа и пятьдесят пять минут...

Мишка сказал это спокойным, серьёзным голосом, и Наташка поверила. Она уселась на низкую скамейку, что возле забора, и положила руки на острые коленки, выглядывавшие из-под ситцевого платья в горошек.

— Я буду ждать, — сказала она.

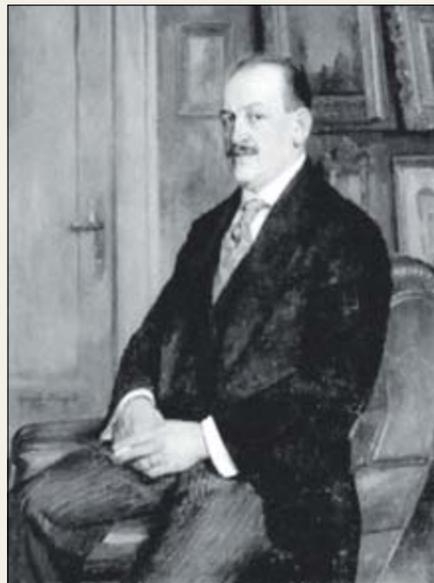

БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ

Витольд Бялыницкий-Бируля родился в 1872 году в имении Крынки близ Бельничей Могилёвской губернии в Белоруссии в семье помещика. В 1885 году он окончил пятилетний курс Владимирского кадетского корпуса в Киеве. В те же годы, по словам самого художника, им было положено и начало занятий художественным искусством. Основы образования в области рисунка и живописи он получил в Киевской рисовальной школе Николая Мурашко, где обучался с 1885 по 1889 год. Затем он продолжил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Его преподавателями с 1889 по 1897 год были Илларион Прянишников, Сергей Коровин и Василий Поленов.

На одной из ученических выставок в Москве картины молодого художника заметил Исаак Левитан. Внимательно рассматривая их, он дал Бялыницкому-Бируля, ищущему в те годы свои способы самовыражения в ис-

Вечер ранней весны. 1943

Серый день

Дача в саду

Ранняя весна. 1953

Лесная речка зимой. 1930

Ранняя весна. 1902

кусстве и проходящему период становления, напутствие: «Вот так, продолжайте в этом духе... — и добавил: — Тон может звучать, но не краска, в природе нет краски, а есть тон».

Картины молодого художника уже в начале его творческого пути пользовались успехом, это воодушевляло пейзажиста. Его работу «Из окрестностей Пятигорска» в 1892 году приобрёл Павел Третьяков. Бируля выставляет свои произведения на конкурсных показах Московского общества любителей художеств. В 1899-м на одном из них его работа была оценена первой премией имени В.П. Боткина. Тогда же живописец впервые принимает участие в экспозициях Товарищества передвижных

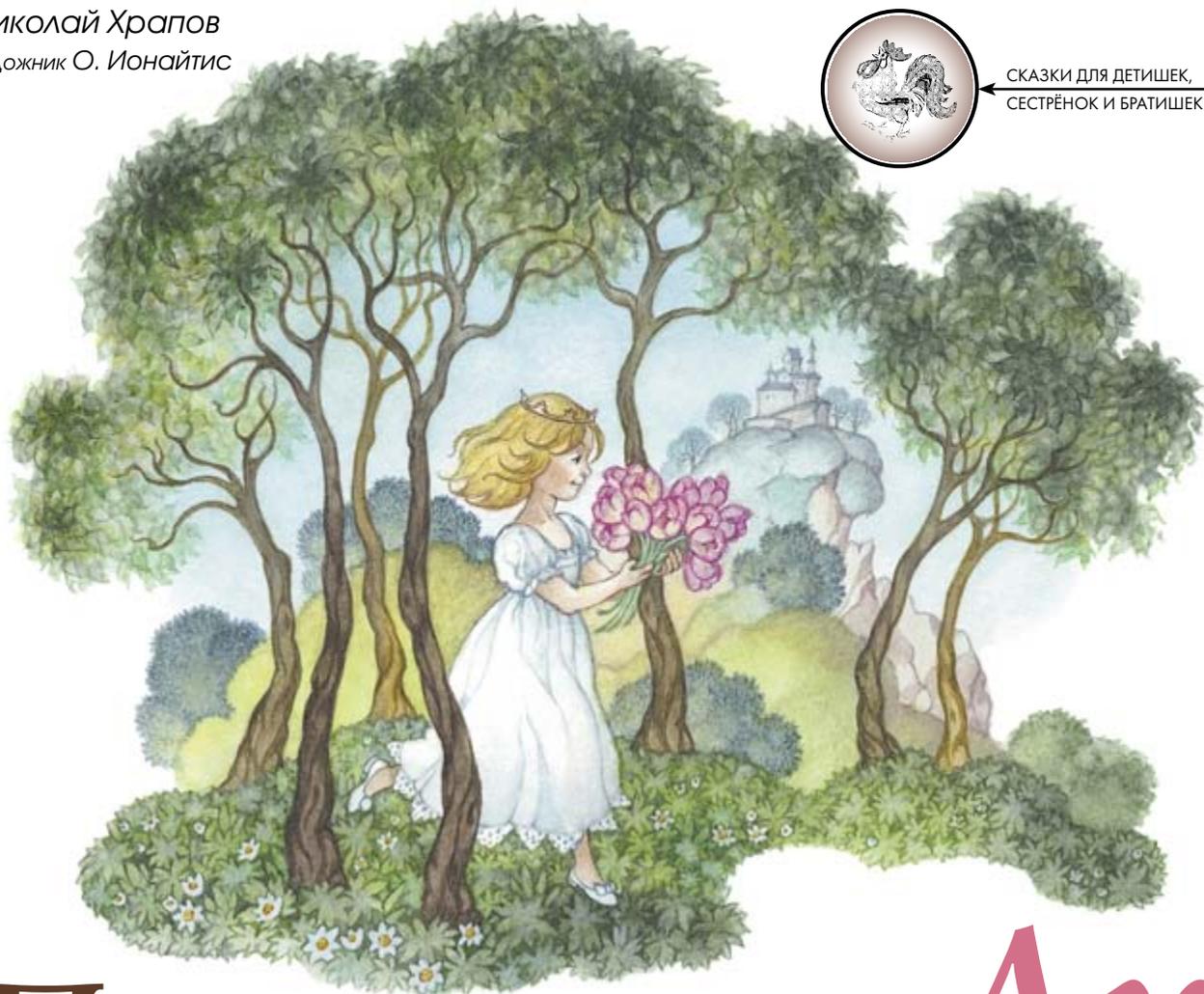
художественных выставок с работами «Лес обнажился» и «Степная речка весной».

В XX век художник входит уже сложившимся мастером; с 1904 года он — член Товарищества передвижных художественных выставок, что явилось несомненным признанием его таланта и работоспособности со стороны патриархов отечественной живописи. Бируля писал: «Старики были суровы и неумолимо строги...» В 1908-м Бялыницкий-Бируля становится академиком Императорской академии художеств. Тогда же завязывается его переписка с Ильёй Репиным. Репин писал Бируле о том, что, по его личному, да и по мнению многих других, он полноправно вошёл в плеяду признанных мастеров русского искусства.

В начале XX века Витольд Бялыницкий-Бируля создаёт множество замечательных полотен, среди которых «Мартовские сумерки» (1903), «Быстрая речка» (1908), «У мельницы» (1910), «Пейзаж с речкой» (1911), «Голубая часовня» (1912), «Начало весны» (1912), «Март» (1913), «Терраса» (1915), «Тихая осень» (1917), «Весна идёт» (1910-е). Особо среди них можно выделить два произведения «Час тишины. Озеро Удомля» и «Зимний сон», написанных в 1911 году.

Осень. Беседка. 1905

Принцесса Ах

Жила в лесном королевстве маленькая принцесса по имени Аннушка. Ах и непослушная она была! Гуляя по утрам в королевском саду, она часто убегала от девушек-служанок и тайно уходила в лес.

Ах, как здесь хорошо! Не то что в саду, где всё ухожено и подстрижено. Какие пахучие цветочки на лесных полянках, как таинственно под сенью вековых деревьев, как вольно щебечут птицы на ветках, а как забавны зверюшки, мелькающие среди деревьев. Ах, как интересно было здесь жить, а не в королевском дворце, где лишней пылинки не найдёшь, не то что вольного лесного зверька.

Набегавшись и проголодавшись, она возвращалась к обеду. Что тут начиналось! Служанки с испуганными лицами окружали её, как наседки. Их можно было понять: с одной стороны, они измучились от её шалостей, с другой — боялись пожаловаться матери-королеве, иначе им попало бы за то, что упустили принцессу.

— Госпожа, где вы были? Мы уже не знали, что и подумать!

— Ах, какие вы глупые, непонятливые! Неужели вы не понимаете, как скучно гулять в королевском саду! — отвечала принцесса.

— Ах, ах, ах! — причитали служанки.

— Ах, не трещите, как сороки. Лучше проводите во дворец и вымойте мне руки. Ах, как я проголодалась! — приказывала маленькая принцесса и важно надувала румяные щёчки.

И как не важничать, если ей было известно то, о чём во дворце никто-никто не знал.

Как-то гуляя в саду, она обратила внимание на кирпич, выступавший из крепостной стены. Любопытная принцесса надавила на него. Кирпич сдвинулся с места. Тогда она надавила на него изо всех сил. Заскрипели ржавые петли, и в стене открылся узкий проём. Кирпич оказался не простым, а с секретом. Это был рычаг, нажав на который, можно было открыть

тайный ход, проложенный в основании крепостной стены. Стены вокруг дворца были возведены очень давно, несколько раз перестраивались, и нынешние обитатели цитадели об этом ходе не знали.

— Ах, как любопытно! — воскликнула принцесса, любившая всё таинственное, и протиснулась в щель. Тайный ход вывел её в овражек, заросший густым кустарником. В этом месте лесные деревья почти вплотную подступали к крепостной стене.

Так маленькая принцесса познакомилась с лесом.

Однажды, когда она опять убежала от служанок, на лесной поляне перед ней упала куропатка.

— Ах! — воскликнула принцесса, схватила сухую ветку и замахнулась на коршуна, чья тень уже накрывала куропатку. Коршун злобно заклекотал и взмыл в небо. Маленькая принцесса нагнулась, взяла куропатку в руки и понесла в глубь леса, где густые кроны деревьев закрывали небо, а в низине бежал ручей.

— Ах ты, бедненькая! Еще чуть-чуть и оказалась бы в лапах этого противного коршуна. Ах, как славно, что я оказалась рядом. Посиди, отдохни, здесь он тебя не найдёт. А в следующий раз будь осторожней, — сказала принцесса и опустила куропатку на землю.

Едва птичка коснулась лапками земли, как вдруг она выросла и превратилась в красивую молодую женщину.

— Ах! — воскликнула принцесса. — Кто ты?

— Я лесная царевна, и этот лес — мои владения.

— Лесная царевна?! — недоверчиво переспросила маленькая принцесса. — Если это действительно так, то почему ты не могла отогнать коршуна?

— Это не простой коршун, это старый колдун — властелин западных болот. Между мной и ним уже много веков идут сражения. Он хочет заболотить мои владения, лишить меня власти над лесом, а я сажаю по краям болот молодые деревца, кустарники, цветы, чтобы уничтожить его дурно пахнущие, гадкие топи. Вот за этим делом он меня и застал. Я превратилась в серую куропатку, чтобы незаметно ускользнуть, но он меня заметил, обернулся коршуном и кинулся в погоню.

— Колдун, а ветки испугался!

— Он не ветки испугался, а золотой короны на твоей голове. Подумал, что ты тоже волшебница. Вот и улетел. Спасибо тебе, девочка, что помогла мне.

— Ах! Я принцесса, а не девочка! — гордо сказала маленькая принцесса и топнула ножкой, обутой в расшитую золотыми нитями туфельку.

Еле заметная улыбка пробежала по лицу лесной царевны:

— Извините, госпожа принцесса, я не хотела вас обидеть. Я благодарю за помощь благородную принцессу и хочу вознаградить вас. Просите всё, что вы пожелаете.

— Ах! — воскликнула маленькая принцесса и запрыгала от радости на одной ножке. — Ах, неужели я могу попросить всё, что хочу?

— Да.

— Всё-всё-всё?

Лесная царевна утвердительно кивнула головой.

— Ах, если бы вы знали, как скучно жить в королевском дворце под присмотром маменьки и служанок. Только и слышишь: «Это нельзя, а вот это вообще не подобает делать принцессе...» Ах, как я мечтаю стать вольной... — она хотела сказать птичкой, но вовремя вспомнила про страшного коршуна и поправилась: — ...рыбкой и без присмотра плескаться, ну хотя бы вот в этом ручье. Только я хочу, что-

бы все рыбы в ручье понимали, что я не простая рыбка, а принцесса!

— Хорошо, будь по-твоему, — сказала лесная царевна и хотела взмахнуть рукой, но не сделала этого. — Чуть не забыла тебя предупредить. Запомни волшебное слово «Ах». Если ты захочешь принять прежний облик, скажи это слово. Запомнила? — Лесная царевна взмахнула рукой — и маленькая принцесса превратилась в золотую рыбку с короной на голове. Она подплыла к отполированной бронзовой пуговице, невесть как попавшей на дно лесного ручья, и посмотрела в неё, как в зеркало. Вид красивой золотой рыбки с золотой короной порадовал принцессу. Тут её увидел маленький пёскарик, увидел и от восхищения раскрыл рот. Золотой рыбке и это понравилось. Она махнула хвостиком и хотела плыть дальше, но пёскарик вдруг испуганно метнулся в сторону. Золотая рыбка только и успела сказать: «Ах», — и превратилась в девочку, стоящую по колени в студёной воде.

— Ах! Какая холодная водица! — воскликнула принцесса и только сейчас увидела в прозрачной воде щуку с распахнутой пастью и выпученными глазами, кото-

рая не могла понять, куда же подевалась её добыча — золотая рыбка.

Щука недовольно шевельнула хвостом и уплыла в тень под корягу караулить какого-нибудь зазевавшегося пёскарика.

— Ах, какая противная! Хотела меня проглотить. — Маленькая принцесса так ударила по воде ножкой, что брызги долетели до коряги. — Милая царевна, где ты?!

— Я здесь, принцесса. — Лесная царевна вышла из-за дерева.

— Милая царевна, я не хочу быть рыбкой, лучше преврати меня... — Принцесса задумалась, выбирая, кем быть интересно, но не опасно: — Преврати меня... в белку!

Принцессе так понравилась её придумка, что она запрыгала и захлопала в ладоши:

— Ах, как хорошо быть белкой, прыгать с веточки на веточку и есть орешки!

— Хорошо, ты станешь белочкой, только не забывай о волшебном слове «Ах». — Лесная царевна взмахнула рукой — и золотисто-рыжая белочка, увенчанная миниатюрной короной, запрыгнула на ветку рядом стоящей ольхи. Затем распушила хвост и весело запрыгала с ветки на ветку, с дерева на дерево в глубь леса. Нет, она не просто прыгала, она буквально перелетала

с одного места на другое. Ощущение полёта было трудно с чем-то сравнить, разве что с катанием на качелях или спуском со снежной горки, когда то от страха, то от восторга замирает сердце.

А пушистый хвост был просто чудом.

Раньше принцесса и не подозревала, что хвост для белки не просто украшение, без него было бы невозможно совершать длинные прыжки. Он, как особый парашютик, позволял скользить по воздуху и даже рулить в полёте.

Лесные заросли, созерцаемые глазами путешествующей белки, превратились в волшебное царство, заполненное незнакомыми для человека запахами и шорохами. Вот она увидела аппетитную шишку на нижней ветке ели, и ей захотелось полакомиться её семенами. Она удачно приземлилась на ветку рядом с шишкой... Но ворона, сидевшая на соседнем дереве, так оглушительно каркнула, что волшебное слово «Ах» само сорвалось с белчих губ. Вместо белочки появилась девочка. Ветка не удержала её, опустилась. Принцесса скатилась на землю, встав на четвереньки, и столкнулась нос к носу с лисой. Лиса, увидев вместо неосторожной белочки пусть маленького, но человека, испуганно тьякнула и метнулась в орешник.

— Ах, — сказала принцесса, — она чуть не съела меня! Лесная царевна, где ты?!

— Я здесь, принцесса, — ответил ей знакомый голос. Лесная царевна вышла из-за дерева, с которого каркнула спасшая её ворона.

— Милая царевна, я хотела бы поблагодарить вас за гостеприимство. Вы были очень добры ко мне. Я больше не хочу ни в кого превращаться. Помогите мне вернуться домой — в королевский дворец.

— Хорошо, принцесса, будь по-твоему. Но прежде выслушай мой совет. Придет время, и ты станешь королевой. Тебе придется управлять королевством, управлять своими подданными. Но хорошо управлять другими может только тот, кто может управлять собой, кто может сам усмирять свои капризы. Иначе в королевстве будет не ах, так себе, если не хуже. И ещё: если тебе захочется прогуляться по лесу, лучше будет предупредить об этом свою маму-королеву и сказать ей, что будешь гулять вместе со мной. Затем на краю леса прокричи три раза волшебное слово «Ах» — и я явлюсь к тебе.

— А разве моя маменька знает о вас?

Лесная царевна улыбнулась:

— Твоя мама тоже была когда-то маленькой принцессой и тоже любила гулять в лесу. А теперь беги по этой тропинке. Она выведет тебя прямо ко дворцу.

Лесная царевна исчезла, а вместо неё с земли на ветку взлетела птичка синичка.

Маленькая принцесса сделала реверанс перед синичкой, затем подняла подол своего длинного белого платья с кружевами и побежала по тропинке домой.

— Ах, как это я сама не догадалась, что моя маменька тоже была маленькой принцессой. Ах, как интересно!

Города Древней Руси

Илья Дюков

Продолжение. Начало см. в № 6 за 2014 г.

Вид на грановитую палату

Архитектура древнерусского города при внешней яркости и живописности была простой и лаконичной. В одном строении — даже в царских палатах — было не больше трёх, редко — четырёх покоев. Наиболее выразительными гражданскими сооружениями в застройке городов были вежи (дозорные башни), терема, столпы и повалуши (высокие срубы под отдельными крышами). С появлением в XII веке лемеха (особый кровельный материал) на городских постройках Руси начали устанавливать бочечные и кубоватые крыши. Нередко дома покрывали сверху от сырости берёзовой корой — здание становилось не только суше, но и

куда красивее и пёстрее. Иногда в предохранение от пожаров на кровлю клали зелёный дёрн. В покрытии храмов использовались черепица, свинец, белое железо и деревянный лемех — города были яркими, часто отделка даже самых обычных домов радовала глаз. Тёмные дубовые стены кремля контрастировали с серебристыми осиновыми постройками посада. Главные въездные ворота и церкви часто выкладывались из кирпича с использованием штукатурки и побелки. Кроме расписанных и золочёных белокаменных соборов, раскрашивались во множестве рассыпанные по городу деревянные церкви и часовни.

Новгородский торг

Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII век

Улицы древнерусских городов располагались свободно и живо по рельефу, весьма прихотливо извиваясь даже на планах русских городов XVIII века, несмотря на попытку регулирования в царствование Екатерины II. Ширина улиц в городах XII–XV веков была незначительной — не более четырёх метров. Мостовые покрывались настилом из круглых нетёсаных жердей, концы которых входили в боковые лаги. Часто улица заканчивалась храмом, и высота его была сравнима с длиной улицы. По краям улиц или на их пересечении устанавливались образы в киотах.

Русь славилась не только числом, но и большим разнообразием городов, согласно старой народной поговорке «Что ни город — то нор». Неповторимость каждому из них придавало прежде всего гармоничное слияние городской среды с местом расположения. В большинстве своём города строились по склонам оврагов и на возвышенностях. В связи с этим, казалось, даже такой рядовой элемент городской застройки, как лестницы, приобретал особую важность, соединяя функциональное значение с эстетическим. Неширокие деревянные лестницы русских городов живописно спускались по склонам вслед за изгибами протоптанных тропинок, не нарушая сложившуюся среду навязчивой прямолинейностью. Выразительным художественным элементом в общей картине русского города были также перекинутые через ручьи и маленькие речки деревянные мосты.

Духовная иерархия строго соблюдалась при застройке городов. Богатый силуэт русского города был непосредственно связан с этой его особенностью: культовые сооружения всегда возвышались над светскими. Главным из них был собор. Ни одно здание — ни по красоте убранства, ни по высоте и местоположению — не могло равняться с городским собором. За ним следовали величественные, но всё же подчинённые посадские храмы. В подчинении посадским каменным храмам находились рассыпанные по всему городу деревянные церкви. Далее во множестве шли часовни и прочие свя-

занные с православной традицией небольшие постройки. Русь не создавала внецерковных ценностей, и монументальная архитектура древнерусских городов являлась не просто религиозной, она была храмовой.

Всякий русский город органично вписывался в существующий ландшафт, приобретая тот неповторимый ритмический силуэт, по которому он легко был узнаваем на большом расстоянии. Расстилаясь по рельефу местности, город будто вырастал из природы, растворяя свои границы в окружающем пространстве. От кремля открывались широкие панорамы русского раздолья, а земляные валы с венчающими их деревянными стенами городских укреплений выглядели извне скорее особой формой ландшафта, чем противостоящей ему преградой. Русские мастера умели строить так, чтобы храм был виден в любой точке города и за его пределами. Не похожие на западные города Средневековья, с их высокими стенами и грозными башнями, противостоящими естественному ландшафту, невысокие города Руси гармонично сливались с природой и сельским окружением.

Древнерусские традиции классического градостроительства унаследовала Московская Русь. Ещё в XV веке композиционная структура самой Москвы и городов Московии, таких как, например, Серпухов и Коломна, в функциональном и художественном отношении оставалась традиционной. В конце XV века облик Москвы, а за ней и других русских городов значительно изменился. Развернулись грандиозные работы по перестройке Московского кремля — в нём появились не свойственные классической русской архитектуре элементы рационализма. С XVI века, вместе с социально-экономическими и политическими изменениями в государстве, начал меняться сам принцип русского градостроительства.

В заключение ещё раз подчеркнём — как бы подтверждая православный тезис «Дух творит себе формы» — древнерусский город был видимым выражением православного мировоззрения русского народа.

Площадь перед церковью

Всехсвятский Каменный мост

Рассказы-Горошины

Шипучка

Кошка любила лежать на теплом солнышке. Оля подойдёт к ней, чтобы погладить или взять на руки, а Кошка шипит:

— Не трош-ш! Мне тут хорош-шо!
И прозвали Кошку «Ши-пу-чка».

Как-то раз Солнышко спряталось за тучу. Зябко стало. Кошка ходила по дому, ходила, тёплое место искала, но так и не нашла.

А Оля на диван присела, книгу интересную взяла почитать. Шипучка прыгнула к ней, лапкой её тронула и удивилась: «Какая тёплая Оля!» — замурчала от удовольствия и прижалась к ней.

Оля взяла Шипучку на руки и говорит:

— Кисонька моя, — и погладила её по шерстке. Кошке стало даже стало жарко, и она подумала:

«Как я раньше не догадалась, чтобы Оля взяла меня на ручки, тогда бы все называли меня “Ки-сонь-ка”».

И тут Кошка замурлыкала на весь дом.

Непослушный щенок

Оля первый раз вывела щенка гулять. Он огляделся, и ему понравилась большая грязная лужа. По ней шлёпали ботинки, туфли, и капли отлетали в разные стороны, стуча: «Бум! Бум! Бум».

«Как интересно!» — удивился щенок и направился к луже.

— Не ходи туда! — предупредила его Оля, — потом не отмоешься от грязи.

Не послушался щенок и побежал к луже, лапками шлёп-шлёп! Только брызги летят, а потом весь в лужу влез.

— Ой-ой! Что ты наделал, — заволновалась Оля, — теперь придётся тебя отмывать.

«И что это такое “отмывать”?» — думает щенок.

Принесла Оля Щенка домой. Налила полный тазик воды и стала мочалкой с мылом тереть ему по спинке, по животу. Щенок верещит. А Оля ему говорит:

— Теперь будешь знать, что такое отмыться от грязи.

Помыла его, завернула в полотенчко, чтобы обсох и не простудился. А сама взяла мяч и стала играть. Щенок смотрит на мяч и завидует ему:

«Если бы я был послушным, играл бы сейчас с Олей, — вздохнул он, — а что я помылся — это же хорошо». И он, уткнувшись в полотенчко, сладко заснул.

Храбрый Кузнечик

Жил маленький Кузнечик. Как-то раз на полянке все кузнечики прыгали через большую яму, а ему, Кузнечику, не разрешали:

— Ты ещё маленький, — сказали, — упадёшь в яму, за тебя отвечай!

Огорчился Кузнечик, чуть не плачет, сел на что-то мягкое, а это был нос Медведя. Он малины наелся и решил немножко отдохнуть.

Нос ему защекотало, и он как чихнёт: «Апчи-хи!»

Кузнечик от дуновения враз перелетел всю яму и приземлился далеко на полянке.

Увидели это друзья-кузнечики, удивились:

— Ты, Кузнечик, большой стал, — застрекотали они, — никто из нас так далеко не прыгал.

А Кузнечик гордо ответил:

— Я ещё дальше прыгну! Вот только Мишу найду. — И побежал. Прыг! Прыг! Он был храбрым Кузнечиком.

ИМЕНА

Олег Трушин

К 85-летию
Василия Шукшина

В одной из своих автобиографий, а написано было их Василием Макаровичем Шукшиным не так уж и много, есть такое: «...Всю жизнь мою несу Родину в душе... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда».

Какая она, родина Шукшина? Чтобы узнать это, лучше всего отправиться на Алтай и увидеть шукшинскую родину воочию, его Сростки. Село Сростки. Для того, кто будет проезжать село, следуя Чуйским трактом, покажется оно шумным, бойким, где совсем негде тишине спрятаться. Хотя и не большой, но плотный базар, постоянный двор с придорожным кафе. Низенькие домишки не жмутились бок о бок, а стоящие на просторе. Совсем близко от дороги памятник войнам-сростинцам, павшим в Великой Отечественной войне. Солдатский памятник «обняли» мемориальные плиты с фамилиями павших.

Для тех, кто захочет увидеть другие Сростки, нужно непременно сойти с оживлённого тракта на любую улочку села, примыкающую к тракту, и отправиться вниз к реке Катунь. Широка Катунь. Вольна в течении. Несёт свои воды от самых предгорий величественной горы Белухи, через весь Алтай, путаясь в скалах и петляя по высокогорным и ковыльным степям, принимая в себя воды больших и малых рек, и, в конце своего пути сливаясь с Бией, даёт жизнь новой реке — Оби. Много сёл и деревень выросло на её пути, но там, где в её русло, путающееся в мно-

«И во сне мне снится детство...»

гочисленных протоках, смотрится гора Бикет, и возникло село Сростки. Собственно река Катунь и название селу дала — тут за селом вновь срастается река в одно русло.

В глубине села вы увидите совсем другие Сростки. Спящие в тиши улочки, с рядками приземистых, с четырёхскатными крышами домами, смотрящими на деревенский мир сквозь небольшие оконца при ставнях, выкрашенных в бело-голубой цвет. Настоящие, казацкие, куреня! Именно такие избы я впервые увидел на Дону, в станице Вёшенской. Позже, в Сростках, узнал, что именно казаки положили начало Сросткам в 1804 году, обосновавшись здесь для защиты южных рубежей России. Направление сростинских улиц не предугадать — так уж изначально загадывалось село, хаотично, по удобству, а не по архитектурной правильности. Улицы не дают друг на друга. То сбегают к Катунь извилистой змейкой, то выровнявшись, стрелой тянутся по селу, далеко просматриваясь. Сойдясь фасадами домов, они тотчас расступаются на дворах. Тут не сразу поймёшь, где один огород заканчивается и с какой межи соседский начинается.

В палисадниках то куст сирени заметишь, то раскидистый куст калины, а то и вовсе ель, прикрывшую своей шатровой кроной двор, сохраняя тень в жаркий полдень.

Катунь. Сростки. Шукшин. Помнят ли Сростки Шукшина? Несомненно, помнят.

Помнят своими тихими улочками и взглядом окон старых домов, что «видели» Шукшина ещё мальчишкой. Помнят его и берега Катунь, где пропадал с удочкой маленький Вася. В лицах сростинцев, что лично знали Василия Макаровича. А ещё дома, что и поныне держат в себе прикосновение шукшинских рук, его дух. И он теперь с лёгкой руки скульптора Вячеслава Клыкова, остановившего в камне последний кадр шукшинских «Печек-лавочек», задумчиво смотрит на родные Сростки с высоты любимой горы, по которой он бегал в детстве босыми ногами, сбивая утреннюю росу и где теперь каждый год в день его рождения — 25 июля вспоминает Россия его талант. Хотя кто он, Шукшин? Писатель или актёр, режиссёр или сценарист?

Мемориальный музей Шукшина в здании старой сростинской школы. Фонд музея бесценен. Здесь удалось собрать многое, что связано с Василием Макаровичем — от детства до последних лет жизни.

Особую комнату занимает класс. Наглядные пособия — плакаты. Глобус. Доска. Старые, сделанные от «руки» парты. Настоящие, с откидной планкой на столе. Точь-в-точь такие парты стояли и в моей начальной школе. Уж за такой партой стулом не поелозишь — скамья и стол одно целое. Особенно нас, мальчишек, забавлял откидной стол: чуть погромче отложишь — стук на весь класс. Тут без учительского замечания не обойтись. Осо-

бое внимание к той, что вторая от стены, в третьем ряду от окна. За ней учился грамоте Вася Попов. Мать после ареста мужа переписала детей на свою фамилию, опасаясь за их судьбы.

Памятник Шукшину притаился в тиши берёз и елей, у молодого куста калины, что прижался, спрятался за спину Василию Макаровичу. Робким, нерешитель-

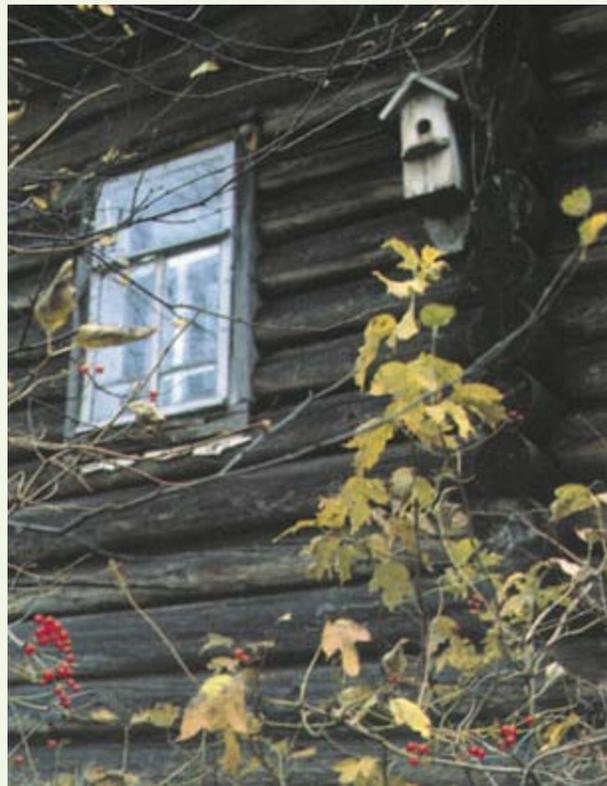
Маленький Вася Шукшин с мамой

ным, с глубоким душевным надломом получился в нём образ Шукшина. Образ сына, отлитого в бронзе, успела увидеть мать. Необычным он тогда показался ей. Сбитые плечи, грудь вдавлена, словно наткнувшись на что, замер в думе. Но поступь его. Шаг широкий, уверенный.

Есть в Сростках особенные места, связанные с детством Василия Макаровича Шукшина. Место, где когда-то стоял дом, в котором родился Василий Макарович, и «дом за плетнём», где прошли его детские годы. Два сростинских дома шукшинского детства, объединённые одной человеческой судьбой.

Второму дому повезло куда больше, чем той маленькой избёнке, чьи стены первыми услышали плач народившегося на свет Божий младенца Василия. Новые хозяева придорожного участка снесли ветхий домишко, и лишь теперь памятный знак из белого камня напоминает о прежнем его существовании. Родительский дом нахо-

дился совсем рядом от дома деда Василия Макаровича — Сергея Фёдоровича Попова. Да, впрочем, он и сам был частичкой этого подворья. Изначально это был просто-напросто амбар, из которого получилась избушка в одно оконце. Как она выглядела, можно увидеть на картине художника Попова, что хранится в мемориальном сростинском музее Шук-

Дом в Сростках

шина, что расположился в здании старой школы, в которой когда-то учился сам Шукшин и где впоследствии немного учительствовал. Нет дома, но, стоя у памятного знака, непременно чувствуешь его незримое присутствие.

Не пощадило время и дом отчима, где прошли детские годы Василия Макаровича — за ветхостью он был снесён, и сегодня на этом «корню» стоит новый дом, возведённый по образу и подобию того, дома детства. От центральной площади, от знаменитого кинотеатра «Катунь» до него, что говорится, рукой подать. От храма Святой Екатерины, заложенного ещё Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, мимо конторы племзавода и мемориального музея, по узенькому проулку, заросшему по краям травяным сором, к «дому детства» самый короткий путь.

В этом доме семья Марии Сергеевны прожила чуть менее двадцати лет. Здесь она встретила войну и здесь же второй раз

овдовела, получив похоронку на второго мужа — Павла Николаевича Куксина.

В этом доме прошли школьные годы Василия Макаровича, и сюда он вернулся после службы на флоте. Бескозырка и бушлат, бережно прикрытые от пыли рушником, и поныне на самом почётном месте.

На стенах в деревянных, широких рамках большие и малые семейные фотографии. Любили в былые времена деревенскую избу фотографиейми украшать. От таких «картин» в доме особый уют был. За рамку приторочены письма сына матери. Пожелтевшие от времени листы бумаги с неровными строчками, писанными разными чернилами. В этих письмах словно в зеркале времени отразилось то далёкое послевоенное время. Тоска сына по родине, добрые слова матери — они присутствуют в каждом письме.

На печке-столбке тяжёлый углевой утюг. Венские стулья, старое кожаное кресло-стул — на нём сиживали сrostинцы, приходившие постригаться к Марии Сергеевне. Мария Сергеевна слыла на селе отличным парикмахером. У окна ножная швейная машинка. Этажерка с книгами. Гармошка Василия Макаровича, что уместилась на стуле, помнит его руки. Василий Макарович, обладавший отличным музыкальным слухом, быстро овладел игрой на гармонии. Музыкальный слух пригодился ему и на флотской службе — на должность радиста брали не каждого, а лишь тех, кто точно улавливал все тонкости звука.

Особое место в доме у русской печи. Она в избе и кормилица, врачевательница. Её тепло согревает в студёные долгие зимние вечера. Случалось, что даже мылись в русской печи. Здесь на печи при тусклом свете керосиновой лампы школьник Вася Шукшин читал сестре и матери вслух книги. Вообще чтение было одним из любимых его занятий.

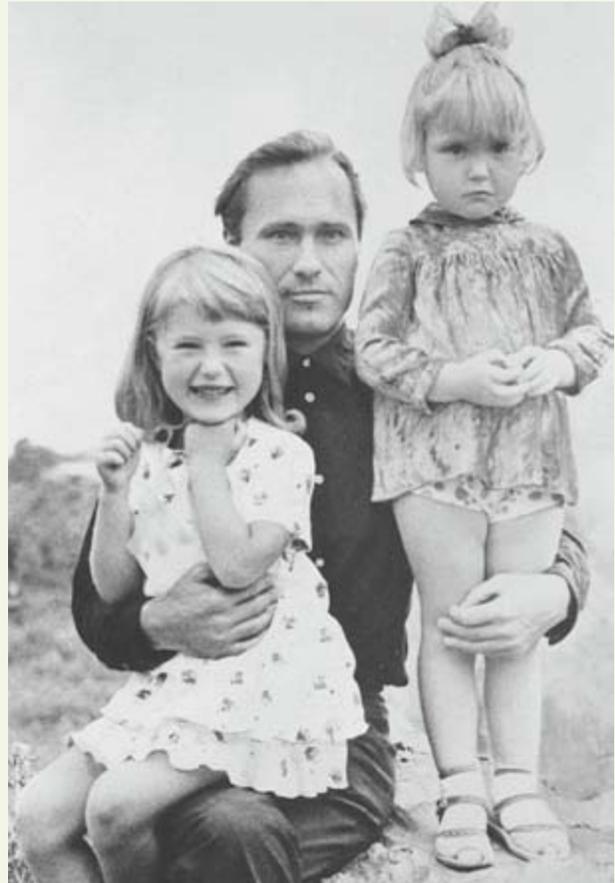
Из стен этого дома Василий Макарович хаживал учительствовать в школу. Именно из этого дома летом 1954 года он уехал покорять Москву.

А вот ещё одно памятное место Сростков — дом матери у горы Бикет, купленный Шукшиным на гонорар от романа «Любавины».

Сколько раз переступал порог материнского дома Василий Макарович. Сколько раз переступал порог этого дома почтальон, приносивший матери добрую весточ-

ку от сына. Друзья, поклонники творчества, сельчане, сколько, их приходивших сюда в дни его приездов на малую родину, да и после, когда его уже не стало.

Просторный коридорчик, комнаты, кухня. Незримо ощущается шукшинское присутствие в тонком скрипе половиц и в фотографиях, что в светлой, большой комнате, в печи и самотканых дорожках,

В. Шукшин с дочерьми

от которых особый уют в доме. И в том шукшинском портрете, старательно вышитом Марией Сергеевной, да так и оставшимся не законченным.

Комната Марии Сергеевны. У стены кровать, над ковром в рамке портрет самой Марии Сергеевны. Клок шерсти, притороченный к пряхе, выведенный тонкой нитью на веретено. Клубок шерсти с вязальными спицами на старомодном стуле. Рядом прялка ножная с колесом-штурвалом. Та и другая теперь редкость даже в деревнях. Перекочевали они сюда из старого «дома детства», что на Набережной.

В проёме у окна справа вышивка, выполненная руками Марии Сергеевны.

Через коридор кухонька с печью, с окошком в сад и всё те же самотканые дорожки на полу. В красном углу, под рушником Святой образ. С железными спин-

ками кровать создаёт какой-то особый уют. Сервант под кухонную утварь.

А вот и комната, в которой так любил работать Василий Макарович. Здесь в Сростках он не изменял своей традиции работать больше ночами. Наверное, так лучше мог сосредоточиться на нужной мысли. Эта комната самая большая в доме. Просторная. На стене рисованные

В. Шукшин и В. Белов

портреты Сергея Фёдоровича и Агафьи Михайловны Поповых — деда и бабки Василия Макаровича. Портреты были выполнены художником Василием Матвеевичем Ермиловым — флотским другом Шукшина, по его просьбе.

В переднем углу на тумбочке, накрытой скатертью с ручной вышивкой, телевизор «Рекорд» первых выпусков.

Нет ничего особенного в этих вещах. Войдите в любой деревенский дом, и вам непременно встретятся такие же. Одно в них отличие — многие из них приобретались при непосредственном участии самого Василия Макаровича и знали его руки. Вещи, к сожалению, немые, но и они могут рассказать нам очень и очень много, как, к примеру, вот этот простенький, как бы теперь сказали «старомодный» диван, стоящий в передней. Ведь именно сидя на этом диване позировал Василий Макарович художнику Ивану Попову для первого, так и оставшегося единственным портретом, хранящимся теперь в мемориальном музее, что в здании старой сростинской школы.

Из бокового окошка виден уголок сада. Взметнули ввысь ели, поднялись берёзы прикрыв тенью крон дорогу, что ведёт на Бикет. Раскинувшийся во все стороны куст калины. На него самый первый вид из «комнаты сына». У стены кровать. На

стене радиодинамик. Под ним швейная машинка — верная помощница в делах Марии Сергеевны. В углу будто бы облокотившийся на стену письменный стол в окружении пары стульев. На столе карандашница, книги. В рамке фотография Василия Макаровича с любимыми племянниками. Настольная лампа и портативная печатная машинка марки «Москва» — подарок сестры Натальи. Чёрные кнопки с вырисованными на них буквами, цифрами... Сколько раз касались пальцы шукшинских рук этих клавиш, нарушая монотонным постукиванием тишину этого дома. Не счесть. Молчат настенные часы. Замер маятник. Время остановлено на 16.25. С этого времени жизнь в Сростках перешла в другое измерение — в жизнь без него.

От дома дорога ведёт на Бикет, заворачивая вправо, играя на взгорье, круто поворачивает вверх и мимо сельского погоста ведёт на самую высь, откуда с высоты птичьего полёта открывается просторный вид на разбросанные дома, отчерченные, словно по линейке, усадьбы пахоты, на излучину реки. И вот он, Василий Макарович, будто бы уставший от дальней дороги, наконец-то добравшийся до своей тихой родины, прежде чем спуститься с косогора к материнскому дому, присел отдохнуть, задумавшись о чём-то своём, таившемся в глубине души. А может быть, старательно всматриваясь в даль, пытается увидеть дом детства и спешащую к нему навстречу мать... А кругом цветущее разнотравье, с обеих сторон обступившее тропку, и вот она вовсе теряет-ся из виду, сливаясь в массу зелени.

А мать, она рядом, совсем не далеко, на сельском погосте, вместе с дочерью Натальей под одной оградкой, прикрытая, словно обнятая, прядями оплакивающих их берёз, которые так любил их сын и брат.

И эта милая сторонка детства и юности, хранящая память о нём, словно сошла в вечность, спрятавшись в траве-мураве и шелесте берёзовых роц, в перекличке ласточек, быстром течении норовистой Катуни. «Как часто во сне мне снится детство», — говорил Василий Макарович. А ведь от детской поры его отделяли к концу жизни всего лишь каких-то три десятилетия. Уж больно маленький срок отпустила ему судьба жизни на тёплой земле. Теперь эта тихая родина детства рядом с ним. Всегда!

Буриданов осёл

Так говорится о человеке, находящемся в положении крайней нерешительности, колеблющемся в выборе между двумя равноценными предметами, равносильными решениями и т. п. Выражение это приписывается французскому философу-схоласти XIV в. Жану Буридану. В доказательство отсутствия свободы воли он привёл в пример осла, который, находясь на одинаковом расстоянии между двумя равными охапками сена, должен бы умереть с голоду, так как при отсутствии какого-либо мотива к предпочтению одной охапки другой его абсолютно свободная воля не могла бы ни на одной из них остановиться и он не сдвинулся бы с места.

Сергей Иванов

Загадки Труворова городища

УГОЛОК
РОССИИ

Красив древний русский город Изборск, особенно после того, как по Государственной программе в 2012–2013 годах его превратили в город-музей. Но всего красивее в Изборске Труворово городище, место, где располагался в древние времена первоначальный Изборск.

О том, древнем городе мы знаем благодаря раскопкам, которые велись в 70-е годы XX века. Мы знаем что с VII по X век Изборск был скорее укрепленной деревней, чем городом. Как и большинство славянских городищ (бывших городов), он построен на мысу между двумя водоёмами — Журавьим озером и впадающим в него ручьём (Змеиным оврагом). Берега озера и края оврага очень крутые, подниматься по ним тяжело, а зимой, если скаты залить водой, и вовсе невозможно. Таким образом, в защите нуждалась только третья сторона треугольника, и там строилась стена, первоначально — земляной вал, из глины и мелких камней. В какой-то период наверху этого вала могла стоять деревянная стена с дозорными башнями.

В древнем городище жили не только славяне-кривичи, но и другие народы. Это могли быть шведы (свеи), финны (сумь), эсты, немцы (пруссы). Могли там жить и заморские купцы — арабы и датчане. Мы мало знаем про то, как управлялась русская страна до Рюрика. Вернее, мы почти ничего не знаем. Но, несомненно, древний Изборск был частью большого государства или племенного объединения и поддержи-

вал связь с другими русскими городами по всей Восточной Европе. Сам же он защищал Русь с запада, как и другие древние крепости — Полоцк, Смоленск, Порхов.

Но главное его значение заключалось тогда не в обороне, а в торговле. По системе рек и озер в Изборск поступали товары со всей Европы, и здесь, как и в древней

Ладогe на Волхове, эти товары встречались с южными и восточными. Если и случались тут какие-то важные исторические события, мы о них не знаем. Пока всё, что произошло в Изборске до IX века, — это как бы доисторический период.

Затем наступает период легендарный. Точнее, не совсем легендарный — о прибытии на Русь трёх князей-варягов сообщают древнерусские летописи, то есть официальные документы, освящённые авторитетом церковной и княжеской власти. Но кроме того, что летопись — документ, это ещё и художественное произведение, литературный жанр, со своими особыми приёмами, которые ещё не очень изучены. Поэтому некоторые историки ставят под сомнение сообщение летописи о том, что княжить на Русь приехали три брата — Синеус, Рюрик и Трувор. Рюрик подчинил себе Ладогу (затем Новгород) и стал родоначальником общерусского государства, княжеской власти. Синеус ушёл на Белое озеро, основал там город Белозерск. Трувор, согласно летописи, два года правил Изборском.

Критически настроенные к этой версии учёные считают, что, дескать, от Синеуса и Трувора не осталось никаких реальных следов их деятельности (даже город Белозерск ныне стоит на другом месте), не осталось наследников или преемников, и вообще это не самостоятельные имена, а прозвища: князь Рюрик был синеус (черноус) и трувор (трубадур?).

Но жители Изборска и любители его старины не обращают внимания на сомнения учёных. Изборяне уверены, что Трувор действительно княжил в Изборске, и, хотя первое укрепленное поселение появилось на городище гораздо раньше призвания варягов, городище называют его именем. В честь легендарного Трувора неизвестные

мастера прошлых веков поставили у входа на городище огромный (выше человеческого роста) каменный крест, который так и называется — Труворов. Рядом стоят два креста поменьше. Легенда гласит, будто под этими крестами лежит сам Трувор и члены его дружины. Однако кресты датируются пятнадцатым веком, когда, наверное, на границе опустевшего городища уже начиналось кладбище, а Изборск был перенесён в другое место.

Но изборяне в своей любви к загадочному Трувору правы хотя бы потому, что в период его летописного появления старое поселение превращается в настоящий город с замком-детинцем на узком мысу и обносится крепостной стеной.

С той поры Изборск отражает многочисленные набеги, сдерживает всё нарастающий напор западных народов. Небольшую передышку получила Русь в конце X — начале XI века, когда Западная Европа сильно пострадала от природных катаклизмов и немцам с датчанами было не до внешней агрессии. Но уже в XIII веке напор с запада стал таким, что старая крепость на Труворовом городище не могла как следует защитить границы Псковского княжества. И изборчане построили новую, огромную крепость восточнее, на соседнем холме — Журавьей горе. Вокруг неё и вырос современный Изборск.

Старую крепость на Труворовом городище разобрали и из её камней выстроили

стены и башни нового Изборска. Лишь часть фундамента сохранилась, открыта археологами, и сейчас любой путешественник может увидеть, как строились русские крепости в XI веке (этим веком датируется последняя перестройка цитадели на Труворовом городище). Интересно, например, что камни наружной облицовки, которым

ружени зелёной травы (ведь, скорее всего, вы будете путешествовать летом), на фоне зелени кладбища и под голубым небом церковь как бы воплощает в себе всю древнюю историю Руси, всё прошлое Труворова городища. Хотя, если бы вы вдруг оказались здесь, когда городище ещё было населено, вы не увидели бы церкви — её загорела

придавалась примерно прямоугольная форма, ничем не скреплялись между собой — ни известью, ни цементом. А внутреннюю часть между облицовочными слоями засыпали чем попало.

Кроме фрагментов стены на месте древних ворот и остатков вала на поле Труворова городища почти ничего нет. Сохранилось единственное здание — церковь святого Николая, построенная в семнадцатом веке (возможно, на фундаменте более древней церкви). Церковь освящает своими крестами лежащее за ней, в густом кустарнике, кладбище, но она же служит главным украшением городища. Её белые стены приобретают на закате и на рассвете розовый цвет, голубеют в сумерках и сверкают в полдень. И если вы решитесь (не испугавшись змей) спуститься с высокого мыса вниз, к Змеиному ручью, чтобы прогуляться, например, к Мальскому монастырю или деревне Броды, обязательно оглянитесь назад. Никольская церковь всё так же будет сиять вам, дарить свой напутственный свет. В ок-

бы массивная башня, стоявшая в том самом месте, где начинается тропинка вниз.

Несмотря на многолетние раскопки, Труворово городище хранит ещё много загадок. Возле Труворова креста у входа на городище лежат две огромные каменные плиты, вроде бы надгробные (здесь начинается кладбище). Многие поколения исследователей бьются над смыслом изображённых на этих плитах линий. На одной плите изображены два маленьких квадрата, вписанных в большой квадрат и соединённых линиями. На другой — вытянутый прямоугольник, разделённый на узкие прямоугольные части, так что получаются как бы ступеньки лестницы. Что это — доски для какой-то средневековой игры, которой развлекались стражники городских ворот? Или изображение крепостной стены и прямоугольной башни (такие изображения называют «вавилонами»)? Вы тоже можете предложить свою отгадку. Вдруг ваша версия окажется правильной и найдёт подтверждение в какой-нибудь летописи?

На протяжении многих лет с удовольствием читаем «Детскую роман-газету», собираем архив журналов, с нетерпением ждём свежих номеров, обсуждаем творчество сверстников и учимся у классиков. Вы не обошли вниманием и творчество учеников нашей школы. Мы решили попробовать свои силы в научно-фантастическом рассказе...

Кондаурова Лариса Николаевна и учащиеся 5 класса,

МБОУ СОШ № 9, г. Уфа, Республика Башкортостан

Муратова Элина, 11 лет

Правильный выбор

Я приземлился на Марс вместе со своим другом-марсианином Арсом. Я никогда не был здесь. Именно поэтому этот марсианский мир вызывал у меня небывалое восхищение!

В самом центре планеты поднималась вверх стеклянная винтовая лестница, она была настолько высокой, что скрывалась за нежно-розовыми облаками, вокруг которых летали на маленьких крылышках сладкие ириски. Почту разносили существа, похожие на земных ёжиков, только цвета светлого индиго, а вместо острых иголок у них были блестящие изумруды. А «здешние» были абсолютно белыми с золотым отливом и единственным жёлто-зелёным глазом. Их глупая улыбка достигала невыносимо больших ушей. Со временем (а его на Марсе не существовало) я начал привыкать к этой необычной атмосфере и осваивать диковинную планету — Марс.

Я с Арсом поселился в своеобразном доме в форме цветка. В нём было очень уютно, тепло и пахло свежееиспечёнными булочками с корицей. Я достал свой блокнот с винтажными усами и стал записывать свои новые открытия. Оказалось, что марсиане питаются лучами солнца, и у них есть специальная солнечная столовая. Ещё, к моему великому сожалению, на Марсе нет

кислорода. Вместо него на планете есть некие парь, ядовитые для человека, поэтому мне приходится носить скафандр, что крайне неудобно. Также я начал замечать, что цвет марсиан меняется с их настроением. Лиловые марсиане были удивительно радушными, а фиолетовыми они становились от избытка общения с вами. Как говорится, «всё написано на лице»?!

Как-то, на 7 день моего проживания на этой планете её жители пригласили меня на водопитие (на Марсе и такое бывает). Какие же всё-таки милые создания — марсиане!

Я конечно согласился, и Арс меня спросил:

— @ <lo </< % @ol0v&0?

Что означало: А ты тут надолго?

На что я ответил:

— ^^@)s *@^^~\$@<~v' % @@' :)v@% ~<@! @'! 0s<@%/s' *ol~s' % @ vs~&ol@!

— Марс — замечательная планета! Я мог бы остаться здесь навсегда!

Марсиане многозначительно переглянулись и удалились. Они вошли голубыми от радости.

— Мы рады, что ты остаёшься с нами. С этой минуты ты полноправный марсианин!!!

Я был удивлён и обрадован этим известием. Я марсианин!

Наступила ночь. Но я почему-то не мог заснуть. Только закрою глаза: вижу изумрудную полянку около деревенской речки, старые качели в нашем саду, ветку яблони, стучащую в окно...

Я залез в космолет и без разбора стал нажимать на кнопки. Пш, пш... Полёт... Пш, пш... «Старт!» — произнёс металлический голос компьютера. Я был покрыт холодным потом и считал про себя:

1... 2... 3... 9... 9?! Или 5? 10! Корабль взмыл в воздух, он поднимался всё выше и выше и полетел к зелёно-сапфировой планете. Планете Земля.

Пять минут — и я дома... Я твёрдо уверен, что сделал правильный выбор.

Дорогие ребята!

Присылайте нам свои рисунки и рассказы.

Мы будем рады их опубликовать.

Редакция «Детской Роман-газеты»

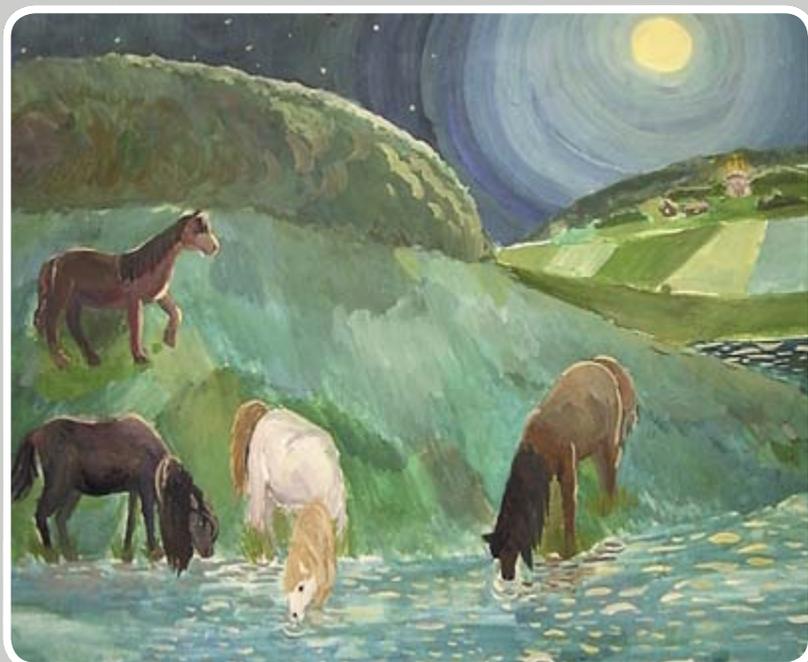
НАШ ВЕРНИСАЖ

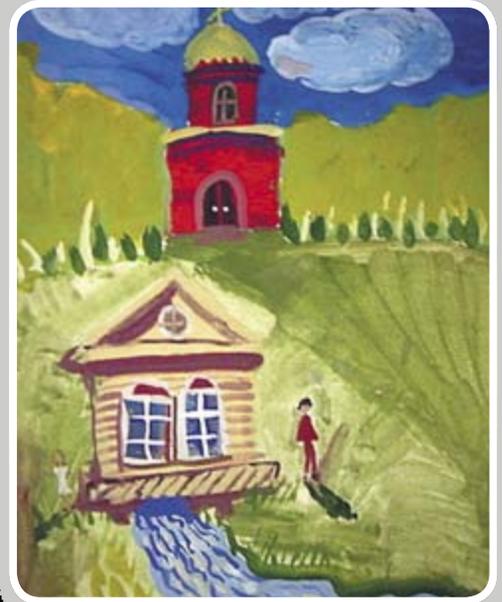
1

2

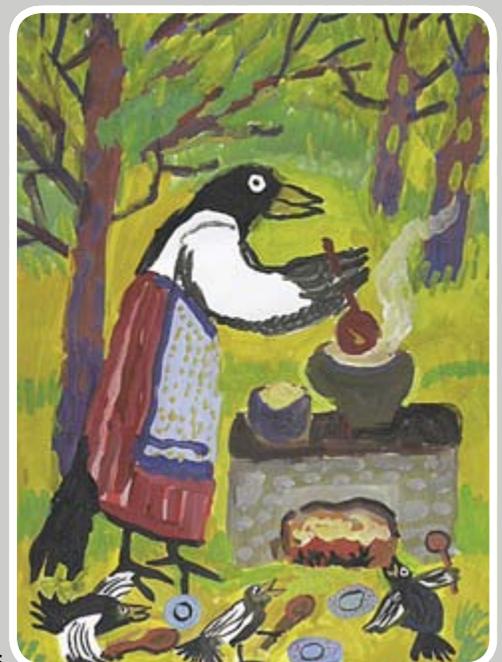
3

4

Рисунки воспитанников литературно-художественной галереи «Жар-птица»

1. **Ворович Даша**, 9 лет. «Эй! Кузнечики! Довольно стрекотать». г. Фрязино
2. **Голубева Надя**, 14 лет. «На балконе». г. Великий Новгород
3. **Комендант Катя**, 12 лет. «В холмах зелёных табуны коней...». г. Харьков
4. **Ядзевич Лора**, 11 лет. «На волжском истоке». г. Тверь
5. **Миронова Даша**, 8 лет. «Сорока, сорока кашу варила...». г. Серпухов

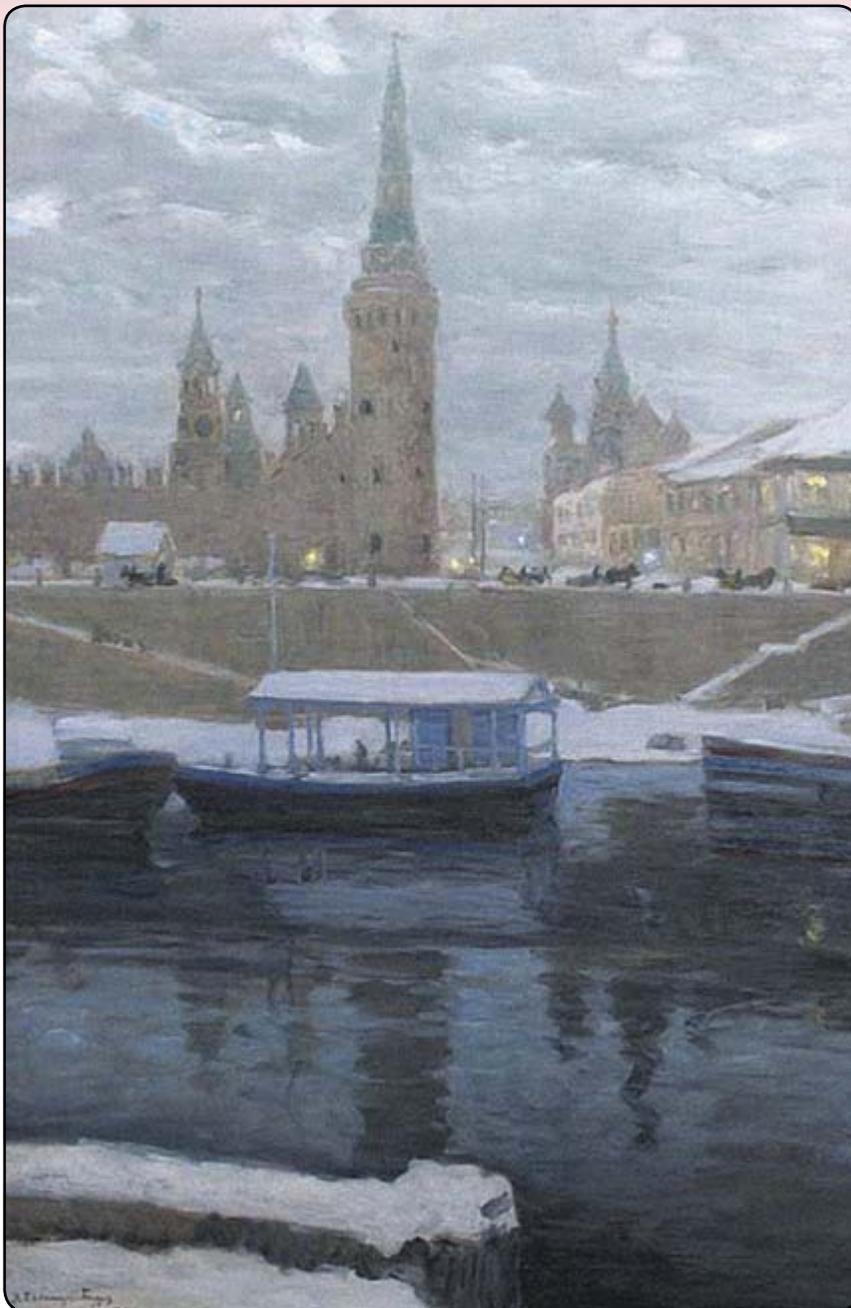
5

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Буриданов осёл

*«Дни не возвратимы и в большинстве не повторяются...
Художники должны дорожить каждым часом, проведенным на природе, на этюде. Чрезвычайно важно первое впечатление от места, которое собираешься писать».*

В. Бялыницкий-Бируля

В. Бялыницкий-Бируля. Москворецкая набережная. 1913 г.

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Принцесса Ах

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Города Древней Руси

УГОЛОК РОССИИ:
Загадки Труворова городища